## Иванъ царевичъ и Марья краса, черная коса.

Въ нѣвкоторомъ было царствѣ, въ нѣвкоторомъ было государствѣ, не въ нашемъ было королевствѣ. Это будетъ не сказка, а будетъ присказка; а будетъ сказка завтра послѣ обѣда, поѣвши мягкаго хлѣба, а еще поѣдимъ пирога, да потянемъ бычка за рога. Жилъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, у него былъ большой сынъ Василій царевичъ, а второй былъ сынъ Митрій царевичъ; малый сынъ былъ Иванъ царевичъ. Вотъ Василій возрасталъ на возрастѣ и вздумалъ его царь женить и очень долго невѣсту не находили. То найдутъ невѣсту—отцу съ матерью хороша, ему не нравится; то онъ найдетъ себѣ невѣсту—отцу съ матерью не кажется. Вотъ идетъ же Василій царевичъ путемъ дорогой, по широкой улицѣ, повстрѣчается ему старуха, толстое ея брюхо, и говоритъ Василью царевичу: «А вотъ я тебѣ, Василій царевичъ, невѣсту нашла!» А онъ ей и говоритъ: «Гдѣ же ты, баушка, нашла?» «А вотъ у этого генерала дочь, вамъ нужно ее замужъ взять». И сказала старуха, что она б . . . ь. Приходитъ Василій царевичъ къ своему тятенькѣ и говоритъ: «Тятенька, я невѣсту нашелъ, вотъ у такого то генерала дочь». Тятенька говоритъ ему, что можно ее замужъ взять. У царя неколи было пиво варить и неколи было вина курить. Пива много наварили и вина накурили, и повезли ихъ вѣнчать. Привозятъ отъ вѣнца, кладутъ на ложу. Вотъ на ложу онъ съ ней не ложился, а въ чистóе поле отъ нея отшатился и теперь тамъ на конѣ ѣздеитъ. Хватились отецъ съ матерью, что Василья царевича въ домѣ нѣтъ, и негдѣ его искать.

Иванъ царевичъ и спрашиваетъ своего тятеньку: «А что, тятенька, это у насъ за женка?» Отвѣчаетъ ему царь: «Это вамъ невѣстка». «А гдѣ же у ней мужъ?» «Уѣхалъ во чистó поле давно, и теперь его нѣтъ». И говоритъ Иванъ царевичъ: «Тятенька, благословите, я поѣду братца искать, Василья царевича». «Богъ тебя благословитъ», сказалъ царь,—«знать ты мнѣ не кормилецъ!» А вотъ

осѣдлалъ Иванъ царевичъ себѣ добраго коня и поѣхалъ во чистóе поле, во дикýю степь своего брата искать, Василья царевича. Во чистымъ полѣ, во дикóй степѣ раскинутъ былъ бѣлъ шатеръ; во шатрѣ почивалъ Василій царевичъ. Подъѣхалъ Иванъ царевичъ ко бѣлý шатру, восходилъ Иванъ царевичъ во бѣлóй шатеръ и хотѣлъ его соннаго убить (не знаетъ чей такой) и думаетъ себѣ: «Что я его убью соннаго, какъ мертваго? Не честь не хвала мнѣ доброму мóлодцу, а дай ка лучше ото сна разбужу, ото сна его разбужу и все подробно его распрошу и чей такой и откудова и куды путь держитъ».

Вдругъ проснулся Василій царевичъ и сталъ спрашивать: «Чей ты такой, добрый мóлодецъ?» «Изъ такого то царства и такого то отца матери». «А чего тебѣ нужно?» «А мнѣ нужно гдѣ бы найти брата своего, Василья царевича». Сказалъ ему Василій царевичъ: «Кто ты таковъ?» «Я Иванъ царевичъ!» «Иванъ царевичъ у насъ», сказалъ Василій царевичъ,—«трехъ лѣтъ въ зыбочкѣ катается». Отвѣчалъ Иванъ царевичъ: «Онъ сейчасъ не въ зыбочкѣ катается, а по дикóй степѣ на конѣ помыкается и хочетъ розыскать своего брата Василья царевича». И сказалъ Василій царевичъ: «Я самъ онъ!» Сѣли они тутъ на добрыхъ коней и поѣхали куды знаютъ. Заѣхали въ зеленые луга—ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Уѣхали далече. Они сами на коняхъ приустали, и кони ихъ притупѣли, и шелкóвыя плети они приразбили. И сказалъ старшій братъ, Василій царевичъ: «А дава-ка, братъ, отдохнемъ и коней покормимъ!» Сказалъ ему Иванъ царевичъ: «А что знаешь, братецъ, то и дѣлаешь!» Слѣзли съ добрыхъ коней и пустили ихъ по зеленымъ лугамъ. Сказалъ Василій царевичъ: «О, ты братъ Иванъ царевичъ, лягъ отдохни, а я пойду по зеленымъ лугамъ, не найду ли поганаго зайчишки; убью, къ тебѣ принесу, мы его зажаримъ». А сказалъ Иванъ царевичъ: «А ступай, братецъ, съ Богомъ!» И пошелъ Василій царевичъ куды знаетъ и подходитъ къ превеличающему къ синему морю, и тутъ является хижинка. Восходитъ Василій царевичъ въ хижинку. Посмотрѣлъ: въ хижинкѣ сидитъ красная дѣвица, сидитъ, горько плачетъ и передъ ней гробъ стоитъ. И сказалъ Василій царевичъ: «Что ты, красная дѣвица, плачешь?» «А какъ мнѣ, Василій царевичъ, не плакать? Послѣдній я часъ на вольномъ

свѣтѣ. Сейчасъ вылѣзаетъ изъ моря змѣй и меня поѣдаетъ». Сказалъ ей Василій царевичъ: «Не плачь, красная дѣвица: я бы былъ живъ, будешь и ты жива!» Легъ Василій царевичъ къ ней на колѣни и сказалъ: «Поищи, красная дѣвица, меня!» Стала та искать, онъ и крѣпкимъ сномъ уснулъ. И вотъ во синеемъ морѣ разбушевались сильныя волны, и поднялся лютый змѣй, и башка его, трехведерный котелъ, вылѣзаетъ изъ моря, идетъ съѣсть красную дѣвицу. Она крѣпко его будила: «О, Василій царевичъ, проснись! Съѣстъ насъ съ тобой лютый змѣй!» Спитъ Василій царевичъ, ничего не чувствуетъ. Роняетъ красная дѣвица изъ своего изъ праваго глазу горючую слезу и пала горючая слеза Василью царевичу на бѣлое его лицо, и какъ пламемъ обожгло. И проснулся Василій царевичъ и смотритъ, что лѣзетъ лютый змѣй; вынулъ свою саблю вострую, махнулъ его по шеѣ и отвалилъ дурную его башку. Туловище захватилъ, въ море бросилъ, а дурную башку подъ камень положилъ. И сказалъ Василій царевичъ красной дѣвицѣ: «Вотъ я живъ и вы живы!» «Благодарю, Василій царевичъ, буду я вѣчно твоя жена!» И отправился Василій царевичъ къ своему брату, къ Ивану царевичу. Приходитъ, ничего не приноситъ. «Не нашелъ, братъ, ничего».

А эта дѣвица красная была привезена изъ иннаго царства. Тутъ чередовали людей кажнюю ночь. У иннаго царя былъ дворной дуракъ и посылаетъ его царь посмотрѣть, что дѣлается въ келейкѣ. Дуракъ запрегъ трюногоньку лошаденку, худеньку тележонку, положилъ на нее бочку и поѣхалъ въ море за водой. Взошелъ въ келейку—красна дѣвица живая сидитъ. Онъ же дуракъ сохватилъ ее въ беремя, посадилъ на бочку и повезъ домой. И сказалъ дуракъ царю: «Я», говоритъ,—«убилъ вашего змѣя!» Царь больно обрадовался и свою дочь за него замужъ выдавалъ (котору онъ привезъ). Тутъ такое то было гулянье! Двери были растворены, и кабаки были всѣ открыты. Вотъ этого было вина изъ смоляной бочки и пить нельзя! И былъ такъ пиръ навеселѣ и такой балъ, что и чертъ не спозналъ. Вотъ дуракъ сталъ съ ней житъ да быть, да добро наживать, а худо то проживать. А Василій царевичъ да Иванъ царевичъ сѣли на добрыихъ на коней и поѣхали въ инное царство, гдѣ этотъ пиръ идетъ. Пріѣзжаютъ къ царю. Царь ихъ встрѣчаетъ и крѣпко ихъ почитаетъ и сказалъ

же Василій царевичъ: «А что, царь, у тебя за балъ?» Отвѣчаетъ ему царь: «Я дочку замужъ отдалъ!» Сказалъ Василій царевичъ: «А именно за кого?» «За дворного дурака». «А по какой причинѣ?» «Онъ отъ смерти ее отвелъ». Разказалъ ему царь поведеніе, что у нихъ кажню ночь тутъ былъ человѣкъ на съѣденіе. Повезли на съѣденье дочь, а дурацкая харя поѣхалъ на море по воду и срубилъ съ змѣя голову, а дочь живую привезъ. Взяли ее да замужъ за дурака и отдали. Василій царевичъ и говоритъ: «А что, инный царь, надо бы этого змѣя мертваго посмотрѣть. Позовите своего зятя; онъ долженъ намъ его указать, гдѣ онъ лежитъ». Позвали дурака. «А поди же, дуракъ, съ нами иди же», сказалъ Василій царевичъ,—«укажи, гдѣ змѣй лежитъ». Больно ему стало грустно, что дуракъ съ его нареченной невѣстой лежитъ. Подводитъ дуракъ къ морю и говоритъ: «Вотъ тутъ лежитъ». Василій царевичъ и говоритъ: «А подайте ка невода, да еще мастеровъ сюда! А кто можетъ неводомъ ловить и вдоль по морю бродить?» Появились мастера, кидали шелковые невода—а тутъ нѣтъ ничего. А онъ, дурацкая стать, не видалъ никого. Василій царевичъ и говоритъ: «Рыболовы господа! Киньте неводы вотъ сюда!» Кинули неводы и вытащили престрашную чуду, туловище. И сказалъ Василій царевичъ: «А скажи ка, дуракъ, гдѣ его глава?» Тотъ не знаетъ отвѣтить чего. «Вотъ, дуракъ, гдѣ голова: подъ камнемъ». Подходитъ дуракъ къ камню и не можетъ его съ мѣста тронуть. Сказалъ Василій царевичъ: «Напрасно судьбу, дуракъ, взялъ: не ты змѣя убивалъ!» Поднялъ Василій царевичъ камень и вытащилъ главу, и сказалъ инному царю: «Я похитилъ вашего змѣя!» Инный царь оголилъ свою саблю востру и срубилъ съ дурака буйную его башку за то, что онъ криво сказалъ, а свою дочь за Василья царевича обвѣнчалъ. Вотъ тутъ пили и гуляли, такъ веселились и нѣсколько времени проклажались. И сказалъ Иванъ царевичъ своему брату Василью царевичу: «Проздравляю съ законнымъ бракомъ! Ты нашелъ себѣ невѣсту, а дѣ же мнѣ будетъ искать? Видно надо по вольному свѣту попытать, себѣ суженну поискать». Сѣли они за столъ чайку покушать, а вечеръ пришелъ, легли по разнымъ комнатамъ отдохнуть. Спрашиваетъ Василій царевичъ у своей молодой жены: «А что есть ли на семъ свѣтѣ краше тебя и храбрѣе меня?» Сказала ему красная

дѣвица: «Ну, какая моя красота? Вотъ за тридевять земель, во десятыемъ царствѣ есть Марья-Краса, Черная коса, отличная хороша; только взять ее мудрено. Есть тамъ еще Кàрка богатырь, и образецъ его, какъ сѣнной стогъ. Не могу знать, кто будетъ изъ васъ сильнѣе». Василій царевичъ и сказалъ брату своему Ивану царевичу: «А вотъ, братецъ, гдѣ невѣсту тебѣ назначили». Иванъ царевичъ съ ними распрощался, въ дальній путь-дороженьку собирался. Взялъ онъ въ руки острый ножъ и говоритъ: «Когда этотъ вострый ножъ кровью обольется, тогда меня живаго не будетъ». И поѣхалъ въ чистое поле, въ дикýю степь, себѣ сужену искать. Ѣхалъ долго ли мало ли и стоитъ избушка, на куричьей голяшкѣ повертывается. «Избушка! Избушка, встань ко мнѣ передòмъ, а къ лѣсу задòмъ!» Избушка встала къ нему передòмъ, а къ лѣсу задòмъ. Лежитъ въ ней Ягая Баба, изъ угла въ уголъ ноги уперлà, титьки черезъ грядки висятъ, маленьки ребятенки пососываютъ, страшный большой желѣзный носъ въ потолокъ уперлá. «А! Иванъ царевичъ, отъ дѣла лытаешь, или дѣло себѣ пытаешь?» Отвѣчаетъ ей Иванъ царевичъ: «Отъ дѣла я не лытаю, а себѣ вдвое дѣла пытаю: ѣду за тридевять земель, въ тридесятое царство найти Марью Красу, Черную Косу. «Охъ», говоритъ Ягая баба,—«мудрено ее взять и мудрено ее достать! Она очень далече. Поѣзжай еще столько, да полстолько, да четверть столько». Сѣлъ Иванъ царевичъ на добрà коня и поѣхалъ. Ѣхалъ-ѣхалъ путемъ-дорогою и наѣхалъ до огромнаго лѣсу и захотѣлъ больно поѣсть. Стоитъ превеличающій дубъ; на дубу шумятъ пчелы. И онъ съ добрá коня слѣзалъ, на зеленый дубъ влѣзалъ, медку поѣсть хотѣлъ. Отвѣчаетъ пчелиная матка: «Не трогай, Иванъ царевичъ, мой медъ: нѣвкоторое время сама я тебѣ пригожусь!» Вотъ Иванъ царевичъ такъ на ея слова спонадѣялся, на сыру землю съ дуба спускался; сѣлъ на добрá коня и поѣхалъ куды ему путь лежитъ. Не можетъ на конѣ сидѣть: крѣпко ѣсть хочетъ. Бѣжитъ ползучая мышь, гадина. Спрыгнулъ Иванъ царевичъ съ добрá коня, сохватилъ и хочетъ ее ѣсть. Говоритъ мышь Ивану царевичу: «Не ѣшь меня: я тебѣ нѣвкоторое время пригожусь!» Бросилъ ее Иванъ царевичъ и дальше поѣхалъ. При большой дорогѣ—небольшая бакáлдинка воды и ползатъ ракъ. Вотъ Иванъ царевичъ больно ему радъ, хочетъ его поймать и на

огонечкѣ испечи. Говоритъ ему ракъ: «О ты, Иванъ царевичъ, хоть ты мнѣ и радъ, а не тревожь ты меня: я тебѣ пригожусь». Иванъ царевичъ крѣпко осерчалъ и рака въ воду кидалъ. «А будь де тебѣ не ладно! Все живъ буду, не умру!» И опять поѣхалъ путемъ-дорогой. Ѣхалъ много ли мало ли, долго ли и коротко ли, доѣхалъ до Кáрки богатыря. Пріѣжаетъ, его дома не заставаетъ, только одна его мать. Она его увидала и крѣпко узнала. «Охъ, Иванъ царевичъ, давно тебя ждетъ Кáрка богатырь!» Иванъ царевичъ и говоритъ: «А скажи ка, баушка, гдѣ онъ?» «Третій годъ за невѣстой ѣздитъ». «Въ каку сторону?» «За Царемъ Дѣвицей. Третій годъ ѣздитъ и сужену себѣ не достанетъ; тебя крѣпко желаетъ и на тебя больно серчаетъ: А! только бы онъ подъявился—живаго съѣмъ!—А поди ка выдь во чистó поле во дикýю степь, а возьми ка подзорную трубу, а не ѣдетъ ли Кáрка богатырь. Если съ радостью ѣдетъ, впередъ его ясенъ соколъ летитъ, а если печальный ѣдетъ, надъ нимъ черный воронъ вьется». Поглядѣлъ Иванъ царевичъ въ подзорную трубу, увидалъ Карку богатыря, и надъ его главой черный воронъ вьется. Вотъ и сказалъ Иванъ царевичъ баушкѣ: «Несчастный ѣдетъ. «Ну», говоритъ баушка,—«куды же мнѣ тебя дѣть? Онъ ѣдетъ сердитый». Отпираетъ кладушочку и запираетъ замкомъ. «А вотъ», говоритъ—«тутъ лягъ, полежи. Я перва́ его водочкой угощу и про тебя разкажу». Явился Кáрка Богатырь, говоритъ мамынькѣ: «А пожалуй ка, мамынька, испить!» Наливала ему баушка чарочку бражки; онъ чарочку выпивалъ и пьянъ не бывалъ. «А да́ ка, мамынька еще!» А другую выпивалъ, на́ весело позывалъ. Спрашиватъ его мамынька: «А дѣ сужена, сынокъ, твоя?» «Измучилъ, мамынька, себя!» «А если бы Иванъ царевичъ пріѣхалъ?» «А вотъ вотъ было бы мнѣ хорошо: досталъ бы я себѣ Царя-Дѣвицу, не одинъ, а съ нимъ, и научилъ бы его, какъ достать ему Марью Красу, Черную Косу́». Баушка и говоритъ: «А чай бы его сейчасъ ту не тронýлъ?» «Охъ, ты мамынька моя! Кабы онъ сейчасъ былъ у меня, за́ руки бы его принималъ и въ саха́рныя уста бы цѣловалъ». Сударыня его матушка и говоритъ: «А онъ здѣсь, сыночекъ, спитъ въ кладоушечкѣ». Вотъ Кáрка обрадова́лся, самъ въ кладовую собирался; за руки его принимаетъ, за дубовой столъ сажаетъ, чаемъ-водкой угощаетъ. И сказалъ

Ка́рка богатырь: «Охъ, ты братъ Иванъ царевичъ, а я только про тебя слышалъ, какъ ты родился и въ зыбочкѣ катаешься!» Иванъ царевичъ и говоритъ: «Я не въ зыбочкѣ катаюсь, а на доброемъ конѣ по дикóй степѣ помыкаюсь. Я не привыкъ въ царствѣ царствовать, я привыкъ по дикóй степѣ летать и больше себѣ горя увидать». «А что ты, Иванъ царевичъ, на добромъ конѣ по дикóй степѣ помыкаешься, чего ты себѣ розыскивашь?» «А вотъ что», говоритъ Иванъ царевичъ—«за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ есть Марья Краса, Черная Коса; мнѣ хочется ее достать и за себя замужъ взять». Ка̀рка богатырь и говоритъ: «Мудрено ее взять, а надо одинъ разъ умирать, тѣло и кости по дикой степѣ раскидать». «Охъ, братъ любезный, Ка́рка богатырь, убытку не принять, такъ въ торговыемъ дѣлѣ и барыша не видать; а если намъ, богатырямъ, по вольному свѣту не полытать, да хорошей суженой не поискать—это намъ не честь, не хвала; чтобы мы по вольному свѣту не лытали, чтобы нужды себѣ не видали». «Ну», говоритъ Ка́рка,—«эту сказку, Иванъ царевичъ, бросимъ, а еще но̀ву начнемъ».

Тутъ начиналась сказка, начиналась побаска отъ сивки и отъ бурки, и отъ курицы виноходки, отъ зимняка поросенка наступчатаго. Вотъ поросенокъ наступаетъ, сказывальщика съ г.... сбиваетъ; вотъ сказывальщикъ, онъ былъ Недорода сѣлъ с.... на дорогу, гдѣ свинья шла. Ка́рка богатырь и говоритъ: «Ну да, братъ, пошутилъ да и будетъ. А спроси ка гуся не зябутъ ли ноги? Я третій годъ ѣзжу за своей нареченной невѣстой. Айда ка помо̀ги, да послушай, что я разкажу: у моей то невѣстѣ сорокъ кузнецовъ, какъ ударятъ сорокъ разъ—и родятся тотчасъ сорокъ военныхъ солдатъ, вооружены и на бой готовы. Да еще, братъ, у моей то невѣстѣ сорокъ дѣушекъ; онѣ сидятъ въ комнатѣ; у кажней дѣушки сорокъ булавочекъ, а охъ то, какъ, булавочкой то ткнетъ, и солдатъ то на бой готовъ. Я буду солдатъ то бить, а ты будешь кузнецовъ то рубить; я буду невѣсту любить, а ты дѣушекъ бить». Иванъ царевичъ и говоритъ: «Умру, братъ, съ тобой!» Сѣли да и поѣхали. Пріѣхали въ Новодѣвиченское царство къ Царю-Дѣвицѣ. «Ты, братъ Иванъ царевичъ, близко не ходи, а по комнатамъ ходи, дѣушекъ руби, да кузнецовъ то губи и близко ко мнѣ не подходи!» Вотъ да они и поѣхали,

а вотъ скоро они и пріѣхали. Начали силушку рубить, красныхъ дѣушекъ душить и Царь-Дѣвицу въ плѣнъ брать. Не пиво намъ было варить, не вина намъ тутъ было курить, а дорого Царицу-Дѣвку взять. Кузнецовъ то погубили, красныхъ дѣушекъ порубили, Царь то Дѣвицу въ плѣнъ взяли. Ка́рка богатырь ее взялъ и туго къ сердцу прижалъ и отправились они съ ней домой. Хватился Ка̀рка богатырь что съ нимъ Ивана Царевича нѣтъ. «Охъ», говоритъ, — «мамынька, я его знать убилъ!» А Иванъ царевичъ и говоритъ: «О да, братъ, я здѣся!» Они тутъ пили, гуляли, веселились. «Ну ка», Иванъ царевичъ, дава́ ка выпьемъ по третьей! Я пью, гуляю, веселюсь и тятьки съ мамкой не боюсь!» «Охъ да, Ка́рка богатырь, головушка болитъ, больно мочи нѣтъ». И чаю не воскушатъ и водки не приниматъ. «Положи ты меня на воздухъ, на самый легкій!» Думаетъ себѣ Иванъ царевичъ: «Что мнѣ Ка́рка богатырь радъ или не радъ? Дай я себѣ нарочно захвораю». И сдѣлался боленъ, не можетъ ногъ таскать. Ка́рка богатырь ходитъ за нимъ, какъ за малымъ дѣтищемъ; вынесъ его во зеленый садъ, положилъ на тесо́вую кровать, гдѣ бы можно его было вѣтромъ обдувать. Лежитъ Иванъ царевичъ въ саду на кровати; прилетаетъ къ нему его большаго брата первая жена, сидитъ въ саду, подняла ногу, д... то и кажетъ: «Охъ да, не попробавши товаръ да бросилъ меня!» Иванъ царевичъ прицѣлился изъ ружья, хлопъ разъ и попалъ ей въ правый глазъ. Она и улетѣла. «Ну, Ка́рка богатырь», говоритъ Иванъ царевичъ, — «благодарю тебя: приспокоилъ ты меня хвораго». Немножечко время продолжало, Иванъ царевичъ и говоритъ: «Охъ, братъ, давай ка, выпьемъ зелена́ вина.» Ка̀рка богатырь больно обрадова́лся, самъ за виномъ сбѣгалъ водкой, чаемъ угощаетъ и словами улещаетъ. «Охъ ты братъ ты мой любезный, какъ съ устатку чуешь въ себѣ здоровье?» «А вотъ же, слава Богу, стараго по старому, а вновь ничего. Долго я здѣсь съ тобой, Ка́рка богатырь, прогулялъ, путь свою дороженьку потерялъ. Что я задумалъ нужно дѣлать и куды нужно надо ѣхать». Ка́рка богатырь и говоритъ: «Куды знаешь, туды и ѣдешь». «А куды, братъ, я вздумалъ, туды и поѣду!» «Если я тебя, братъ Иванъ царевичъ, не научу какъ ее взять, какъ держать — живъ не будешь». Вотъ Иванъ царевичъ слезами заливался, полотенцемъ утирался и говоритъ: «А да и будетъ и прощай!» Сѣлъ на добра̀

коня и поѣхалъ. Ударилъ своего добраго коня, билъ его по крутымъ бедрамъ, пробивалъ его кожу до мяса, билъ мясо до кости, кости проломалъ до мозгу—его добрый конь горы долы перепрыгивалъ, темны лѣса межу ногъ пускалъ. Ѣхать ему было три года, онъ доѣхалъ въ три часа. Пріѣзжаетъ въ то мѣсто, гдѣ ему нужно, идетъ по широкой улицѣ и спрашиваетъ православныхъ людей: «А гдѣ живетъ Марья Краса, Черная Коса!» Попадается ему навстрѣчь баушка просвирня, которая имѣетъ проживанье съ Марьей Красой, Черной Косой, и готовитъ для нея кушанья. «Охъ, баушка просвирня, а будь ка ты смирна! Гдѣ бы мнѣ повидать Марью Красу, Черну Косу?» «А на что тебѣ, Ванюшка, ее?» «А хочется мнѣ ее увидать, въ сахарныя уста поцѣловать и за себя замужъ взять». «Поди ка, Ванюшка, да купи разныихъ цвѣтовъ, разныихъ духовъ, а я пойду да ее въ гости позову. А ты, добрый молодецъ, лягъ на диванъ, спать то не спи, а послушай что будетъ». Вотъ Иванъ царевичъ легъ; баушка просвирня пошла къ Марьѣ Красѣ, къ Черной Косѣ, и говоритъ: «О, да здравствуй же Марьица Краса, Черная твоя Коса! А пожалуй ка ко мнѣ въ гости!» Марья Краса обрадовалась и въ гости къ ней собиралась. Восходитъ къ ней въ комнату: воскрашена ея комната заграничными цвѣтами и разными духами. Говоритъ Марья Краса: «Гдѣ ты, баушка, взяла заграничные цвѣты и разные духи?» «Что по морю то плыветъ все то не поимаешь, а что люди то говорятъ, все не переслушаешь. Дава ка Марьица, мы съ тобой сядемъ, да чего-нибудь придумамъ». «А что у тебя въ чуланѣ? Кто у тебя, баушка, лежитъ на диванѣ?» «А вотъ погляди». Марья Краса подошла къ дивану и спрашиваетъ: «А это что за мужикъ? А какъ бы я его поцѣловала!» Баушка не унимала и поцѣловать заставляла. Она его поцѣловала. Ну уже Иванъ то царевичъ былъ не глупъ, онъ пымалъ ее вдругъ. Онъ ее пымалъ, во сахарныя уста цѣловалъ, туго къ сердцу прижималъ. Они тутъ полежали, ну и немножко изъ прочаго чего-нибудь сдѣлали. Взялъ да будетъ, не скажу. Иванъ царевичъ и говоритъ: «Благодарю, баушка, что ты меня свела и Марьюшку ко мнѣ привела». А Марья Краса, Черная Коса, и говоритъ: «Я буду во вѣкъ твоя, мужняя жена и неразлушная. Садись ка, Ванюшка, на добраго коня и бери меня съ собой. Я, Ванюшка, не разста-

нуся съ тобой!» Сѣли да и поѣхали на Ванюшкиномъ на доброемъ конѣ.

Какъ у Марьюшки Красы было двѣнадцать братовъ; пріѣзжали къ ней въ гости, дома Марьюшки Красы нѣту. Спросили у баушки: «А дѣ же наша родная сестра, Марья Краса?» Баушка и говоритъ: «Былъ злодѣй Иванъ царевичъ, онъ и квасъ-отъ пилъ, а у Марьюшки квасницу не покрылъ, и уѣхали они въ путь дорогу». Вотъ же родные братья привели пѣгоньку кобыленку о двѣнадцати пѣжинахъ, сѣли кажній братъ на пѣжину, сѣли да и поѣхали. «Догонимъ его, злодѣя, растерзаемъ, а ее отнимемъ!» Сколько мало ли время продолжалось, они его догнали и сестру отняли; его изрубили на мелки части, раскидали по дикой степѣ. Кровь во сыру́ землю, мясо воронья клюютъ.

У любимаго его брата Василья царевича, у его молодой жены выката́лся изъ очей вольный свѣтъ: увидала въ кровѣ вострый ножъ и сказала мужу: «Посмотри ка на вострый ножъ: твово роднаго братца въ живѣ нѣтъ». Василій царевичъ и говоритъ женѣ: «Охъ да я вѣдь ничего не знаю! Охъ да знать погибъ!»

Во дворѣ же былъ царскіемъ превеличающій великій каракульскій дубъ; въ этомъ дубу сохранялася живая и мертвая вода. Она сохранялася, никому не открывалася. Вотъ же Василья царевича законная жена подходитъ къ каракульскому дубу, слезно плачетъ и проситъ: «О батюшка, старый каракульскій дубъ, отпусти мнѣ, ради Бога, мертвой и живой воды!» Дубъ не открывается, и изъ дуба вода не отпущается. Она ходила, ходила и сама себя крѣпко истомила: не можетъ ногъ таскать и на плечахъ буйну голову держать. У ней были двѣ сестры родныихъ, благочестливыя дѣушки, и спрашиваютъ ее: «Что ты, сестрица, худа, что ты, сестрица, тужишь, что ты, сестрица, плачешь?» Отвѣчаетъ она имъ: «Какъ мнѣ не плакать? Пищи я не принимаю, темныя ночи не сыпа́ю, хожу я на тятенькино широко подворье, къ каракульскому дубу; всѣ ночи простаивала, у каракульскаго дуба упрашивала: «Охъ ты, батюшка, каракульскій дубъ, отпусти ради Бога мнѣ мертвой и живой воды!» «А на что тебѣ, сестрица, живой и мертвой воды?» «Охъ, сестрицы, не знате вы мово горя, что померъ мой братецъ родимый, Василью царевичу братъ и мнѣ такой же!» «Пойдемъ ка, сестрица, и мы съ тобой, да помолимся

Богу, да попросимъ каракульскаго дуба, не отпуститъ ли онъ намъ». Собрались всѣ три сестрицы родныихъ полуночные поклоны дубу клали, изъ глазъ своихъ слезы роняли и дубу говорили: «Охъ ты, батюшка, каракульскій старый дубъ, отпусти ты ради Бога живой и мертвой воды!» Вдругъ каракульскій дубъ открывается, и вода изъ него выпускается. Налила жена Василья царевича два пузырька и говоритъ: «О ты мой милый мужъ да Василій царевичъ! Осѣдлай ка своево добраго коня, да поѣдемъ ка куды я велю, да найдемъ ка мы своево братца Ивана царевича во дикой степѣ!» Сѣли да и поѣхали и на то мѣсто пріѣхали, гдѣ Ивана царевича мясо разбросано. Вотъ они мясо сбирали, по суставчикамъ расклали, мертвой-то водицей помазáли, а живой-то водицей спрыскáли. Иванъ царевичъ всталъ, встряхнулся, на всѣ четыре стороны оглянулся и говоритъ: «О, да какъ я долго спалъ!» Отвѣчаетъ ему невѣстка: «Кабы не мы, такъ и во вѣки бы ты спалъ». «Спасибо тѣ, сестрица, пожалѣла ты меня, ну прощай и на предки не оставляй!» Сѣлъ да и уѣхалъ. Мы это бросимъ и другò начнемъ. А вотъ онъ отколь пріѣхалъ, туды опять и уѣхалъ. Ударилъ Ванюша своево добраго коня своей шелковой плетью; конь его добрый осерчалъ и шибко его помчалъ. Пріѣзжаетъ Иванъ царевичъ въ ту сторону, гдѣ жила Марья Краса, Черная Коса. Нашелъ баушку просвирню, она ему и говоритъ: «Поѣзжай ка, Иванъ царевичъ, куды я пошлю: черезъ тридевять земель, во десятое царство. Научу я тебя какъ Марьюшку взять, какъ ее достать. Долженъ ты долго самъ пострадать. Поѣзжай къ ея баушкѣ, а у той ли у баушки двѣнадцать дочерей. Онѣ-то дѣушки да дѣушки, а будутъ сейчасъ кобылушки да кобылушки. Пріѣдешь къ баушкѣ во дворъ, скажи ей: «А родима баушка! Нѣтъ ли продажной лошадушки?» Скажетъ тебѣ баушка: Есть у меня двѣнадцать кобылушекъ, онѣ не продажныя, а завѣтныя. А вотъ я тебѣ прикажу три дня ихъ пасти, за работушку что ни лучшую взять лошадушку, а если не спасешь и домой не пригонишь, то мяса твово наѣмся и крови твоей напьюся!» Василій царевичъ и думаетъ себѣ: «А да-ка попытаю! Двѣ смерти мнѣ не будетъ, а одной то я не миную и знаю за кого пропадаю». Взялъ у баушки подрядился, да на утро хлопъ хлопъ и погналъ лошадушекъ пасти, пригналъ ихъ въ зеленые луга. Испекла ему баушка со спящіимъ зельемъ

лепешечку. Онъ взялъ закусилъ да крѣпко и уснулъ. Лошадушки по лугамъ разбѣжались, по кустамъ размыря́лись. Онъ крѣпко спалъ, вплоть до вечера пролежалъ.

Провѣдала то на дубу пчелиная матка и говоритъ своимъ дитяткамъ: «Полетайте, дитятки мои, во зеленые луга! Ванюшка крѣпко спитъ не проснется. Его разбуждайте, коней его собирайте!» И нѣкоторая одна была сильная пчела, прилетаетъ къ Ванюшкѣ и жалитъ его за бѣлое лице. Ванюшка проснулся, горькими слезами заливался: ни одной лошадушки передъ нимъ нѣтъ и не знаетъ же онъ гдѣ ихъ взять и некого ему домой гнать. Вотъ пчела и говоритъ: «О, бери-ка, Ванюшка, кнутъ, да вотъ постой-ка тутъ! Пригонимъ мы тебѣ». Какъ собрались всѣ пчелки летать по зеленымъ лугамъ; онѣ стали летать, стали брюнчать, стали кобылушекъ собирать, да Ванюшкѣ на̀ руки отдавать. «А вотъ да ну, Ванюшка, гони ка!» Ванюшка взялъ да ихъ кнутикомъ къ баушкѣ и погналъ. «На ка вотъ тебѣ, баушка, исполнилъ твое приказаніе». «Ну ладно, Ваня, жди что будетъ на утро». На утро баушка встаетъ, приказъ Ванюшкѣ отдаетъ: «На ка вотъ, Ванюшка, гони да сохранно пригони! На ка вотъ тебѣ лепешечку за работу». Онъ лепешечку взялъ, въ пазушку поклалъ, выгналъ кобылушекъ во зеленые луга, и такъ то ходятъ кобылушки смирно, травку пощипываютъ, ключевую водицу прихлебываютъ, а походятъ да полежатъ. Ванюшка поѣсть захотѣлъ, взялъ да вынулъ изъ за пазухи кусокъ; крѣпко закусилъ и шибко спать запустилъ. Думаетъ немного—до̀ вечера проспалъ. Вотъ кобылушки и стали по кустамъ мырять, по кустамъ да по кустамъ, по мышиныимъ норамъ. А вотъ тутъ то была мышиная матка, дорогу перебѣгала, больно была гла̀дка. Распорядилась старая мышь Ванюшку разбудить и кобылушелъ собрать. Подбѣжала старая мышь: «Охъ ты Ванюшка, Ваня! Ночь то на дворѣ, а мы плачемъ объ тебѣ! Надо тебѣ встать и кобылушекъ домой гнать». Всталъ Ванюшка, встряхнулся, горючьми слезами залѝлся и сказалъ: «Охъ мать ты моя мать, старая мышь! Надо бы тебѣ добродѣтель мою знать и кобылушекъ пригнать!» «Старая мышь всѣхъ молодыхъ мышей за ними послала; всѣхъ кобылушекъ собрала и погналъ ихъ Ванюшка домой. «Нака тебѣ, баушка, я два дни пропасъ». «Охъ, Ванюшка, еще завтра день погоняй ка. Завтра дальше, а хлѣба

то бери больше». Всталъ Ванюшка по утру собрался и погналъ. Захотѣлъ поѣсть, откусилъ лепешечку и заснулъ; проспалъ до вечера. Лошадушки по кустамъ размырялись, а ракъ увидалъ, всѣхъ ихъ къ Ванюшкѣ согналъ и его разбудилъ. Погналъ Ванюшка кобылушекъ домой: «Будетъ, баушка; я тебѣ не слуга, а за работу денежки, а не денежки такъ дѣушки!» «Выбирай, Ванюшка, любую кобылушку!» (А это не кобылушки, а красны дѣушки). Вотъ легъ Ванюшка спать и приходитъ изъ двѣнадцати большая сестра и даетъ ему знать: «Что ты, Ванюшка, думаешь?» «Самъ не знаю что думаю». «А возьми ты меня за себя замужъ: я тебя добру научу». Ванюшка ей слово сказалъ и руку ей далъ: «Будешь ты моя жена неразлушная!» «Смотри же, Ванюшка, будь ты не плохъ, да не дурёнъ: на 12—11 дуръ, а самая малая умница. Насъ всѣхъ къ колодѣ разставятъ и насыплютъ всѣмъ овса; мы будемъ всѣ жирныя и гладкія, а наша малая сестра бѣжать то больно быстра, она будетъ въ колодѣ лежать. Ты возьми да и скажи баушкѣ: «А вотъ, молъ, ладно мнѣ тощая то!» Вотъ ты изъ колоды ее подыми, да мочальцемъ обратай, да за пояску привяжи; скажи баушкѣ: будетъ и прощай». Ванюшка такъ и сдѣлалъ. Сѣлъ на коня и уѣхалъ къ баушкѣ просвирнѣ; пріѣхалъ и спрашиваетъ: «А что, баушка просвирня, какъ повидать Марью Красу, Черную Косу? Не поминатъ ли она обо мнѣ?» Та и говоритъ: «Мы такъ думали, что тебя и живаго нѣтъ, а если про тебя изъ насъ двоихъ кто помянетъ, съ того голову долой. А ну да лягъ, Ванюшка, полежи, а я къ ней схожу». Приходитъ баушка просвирня къ Марьѣ Красѣ: «А здравствуй, Марьюшка!» «Здравствуй, баушка!» «Дава́ка, Марьюшка, поиграмъ въ карточки!» Взяли да и поиграли. Баушкѣ-то досталась кралечка, а Марьюшкѣ-то королёкъ. И говоритъ баушка: «Э, да какой королекъ-то хорошій, Марьюшка!» «Быдто Иванъ царевичъ, баушка!» «Охъ Марьюшка, такъ то такъ, да не ладно. Да ка мнѣ тупой топоръ, срублю твою голову! «Вѣдь у насъ съ тобой уговоръ былъ: кто первый про Ивана царевича помянетъ, съ того голову долой». «Ну да, баушка, будетъ да и ладно. Здѣсь нѣтъ никого, а кабы онъ былъ здѣсь, не разсталась бы я съ нёмъ». «А Ванюшка-то, Марьюшка, на диванѣ лежитъ!» Марьюшка побѣжала, Ванюшку увидала, во сахáрныя уста цѣловала. «Ну, Ванюшка, ты помрешь и я съ тобой!»

«Я бы былъ, Марьюшка, живъ, будешь и ты жива!» Сѣли на кобылушекъ да и поѣхали.

Пріѣзжаютъ ея родные братья, спрашиваютъ у баушки: «А дѣ наша сестра?» Баушка и говоритъ: «Иванъ царевичъ увезъ». «Мы его терзали, да видно мало!» Сѣли двѣнадцать братовъ на двѣнадцать пѣжинъ, сѣли да полетѣли какъ младъ ясёнъ соко́лъ. Стали Ванюшку догонять; Ванюшка сталъ кобылушку подъ голяшку хлыстать. Вотъ кобылушка взвилась, какъ бѣлый лебедь. Пѣгая кобыла—выше, а подъ Васильемъ кобылушка еще выше. Пріѣхали къ батюшкѣ, а батюшка былъ старёхонекъ. Иванъ царевичъ и говоритъ: «Здравствуй, батюшка!» Тотъ обрадова́лся, Ванюшкѣ на бѣлу́ю грудь бросался, съ Ванюшкой цѣловался. «Охъ да ладно, Ванюшка, что пріѣхалъ на свою сторонушку!» Тутъ и сказкѣ конецъ, сказалъ ее молодецъ и намъ молодцамъ по стаканчику пивца, за окончанье сказки по рюмочкѣ винца.

(Записано отъ Абрама Новопольцева, въ селѣ Новиковкѣ, Самарск. губ. Ставропольск. уѣзда).